

Пустота «абсолютного знания», или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 3)

Сухно А. А.,

к. ф. н., Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия; 125993, Волоколамское шоссе, д. 4;
volyakvlasti@mail.ru

Гулин В. В.,

м. н. с., Институт автоматизации проектирования РАН,
Москва, Россия; 123056, 2-я Брестская ул., д. 19/18;
kornet104@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается рассмотреть «Науку логики» Гегеля как проект, где самым важным является не описание «законов мышления», но скорее более точное определение теоретического уровня, на котором мышление само становится предметом собственного описания. Тем самым, с одной стороны, Гегель вскрывает парадокс, который лежит в основании логики как философской дисциплины, а с другой — стремится показать возможность существования логики в «экстремальных» условиях этого парадокса. В рамках такого подхода логика неотделима от теории познания — предполагается, что устройство или «форма» мышления не может быть «нейтральной» относительно своего содержания. Поэтому, по Гегелю, в действительности имеет место не логика изолированных, протекающих в сознании операций, но логика «самого предмета», который в этих операциях сам себя показывает и непосредственно реализует. На этом уровне нет разрыва между мыслящим сознанием и отделёнными от него предметами внешнего мира. Речь идёт об особом — «до-онтологическом» — измерении, где чувственный опыт субъекта ещё не организован и не структурирован, и предмет мышления и само мышление образуют единое целое. Такое измерение развёрнуто в историческом опыте философской мысли начиная с Античности, и фиксируется Гегелем под именем «Понятия» или «Абсолютного знания». В статье ставится вопрос, почему это измерение постоянно от нас ускользает, обретая в умах интерпретаторов Гегеля «полумистический» статус, и каким образом всё-таки можно в него проникнуть.

Ключевые слова: Гегель, «Наука логики», мышление, абсолютное знание, абстракция, здравый смысл, предметный смысл.

В современной интеллектуальной ситуации вопрос о наследии Гегеля остаётся открытым. Создаётся ощущение, что его «рецепция» так и не была завершена — что академическая культура и публичное поле не получили достаточно чёткого образа его философии, чтобы знать, где и когда она может сработать.

Эта незавершённая рецепция указывает на свойство самой гегелевской мысли — она развёртывается на уровне, который недоступен большей части широкой аудитории. Более того, он ускользает даже от внимания специалистов в той мере, в какой они располагают гегелевский текст «на одной плоскости» с остальными произведениями мировой философии. А значит, и Гегель ими рассматривается «наряду с другими» — как *один из* представителей плеяды мыслителей, которые хотели высказаться по определённым («философским») проблемам и предложить собственный вариант их решения. В этой перспективе гегелевская теоретическая конструкция годится только для того, чтобы «растащить её на запчасти» — извлечь из неё методологический аппарат, теологические интуиции, концепцию «исторических народов», тему отношений раба и господина или что-то ещё. Но не происходит самого главного: не возникает желания к нему *присоединиться* — чтобы воспринять всерьёз и пережить вместе с ним «конец философии» и достижение «абсолютного знания», то есть сохранить гегелевскую инициативу в её целостности.

Поэтому мы, со своей стороны, предлагаем рассматривать гегелевское наследие как проект, который означает не преемственность в развёртывании философской традиции, а наоборот, *завершение* самого философского поиска, ведущегося начиная с Античности. Причём это завершение следует понимать не в смысле полученного ответа, долгожданного решения проблемы, а в смысле специфического жеста, благодаря которому волевым усилием «блокируются», *прекращаются* поисковые операции ввиду их практической бесполезности.

Эта претенциозная установка — «завершить философию» — оправдывается постольку, поскольку она означает выход на принципиально иной уровень мышления. И пребывание на этом уровне гораздо ценнее, чем полученный конкретный ответ на тот или иной «философский» вопрос. Это уровень, где логика в привычном понимании как способ описания операций мышления, отделённый от теории познания, превращается в гегелевскую «Науку логики». Здесь представлен способ мышления, который не «предзадан» своему предмету, а напротив, мышление каким-то образом *встроено в сам предмет*. Именно на этом уровне мы и получаем доступ к знанию, которое Гегель, не слишком сильно покривив душой, назвал «абсолютным».

Но продемонстрировать этот уровень, написать «Науку логики» — это означает сделать только полдела, если при этом не получается объяснить, где именно он расположен и как на него выйти, чтобы другие могли мыслить *вместе с тобой*.

**Пустая абстракция и «абсолютное знание»,
или Каковы шансы лягушки превратиться в принцессу**

«Абсолютное знание» часто принимают за «спекулятивно-идеалистическую» причуду Гегеля. И потому по инерции стремятся её «изжить», «преодолеть» и т. д. И на первый взгляд кажется, что вполне заслуженно: это специфическое знание не имеет никакой другой опоры, кроме самого себя, — оно совершенно бесцеремонно обосновывает себя собой же, замыкаясь в *логический круг*¹. Однако на самом деле оно является попыткой выбраться из реального затруднения — само устройство знания, по сути своей, *тавтологично*. Ведь для того, чтобы понять, как организовано знание, рассмотреть и описать понятия, составляющие его «каркас», мышлению уже необходимо так или иначе использовать эти же понятия в самом описании (!). Это полностью замкнутая система, из которой никакими силами не выйти.

В логике, предметом которой является само мышление, эта парадоксальная ситуация обостряется и доводится до предела. По сути, формируя знание о структуре мышления, мы имеем дело с его собственным *тавтологическим «самоописанием»*. По умолчанию полагая, что процесс мышления может быть сведён к «закону», к «форме» в отрыве от всякого конкретного содержания, часто не обращают внимания на то обстоятельство, что вроде бы «самоочевидные» законы мышления выводятся с помощью *того же самого* мышления, предположительно подчинённого этим же законам (!). А значит, именно «законы мышления» определяют порядок и структуру своего собственного описания и тем самым «автоматически» маскируют *возможную ограниченность и некорректность* производимых мышлением операций. Как ни крути, но в замкнутой системе нет внешнего наблюдателя, а потому всегда будет существовать *возможность разрыва* между тем, как я представляю собственное мышление, и тем, как я *на самом деле* мыслю. То, что мы считаем «логичным», вполне вероятно, и не является нашим способом мышления.

И потому «Введение» в «Науку логики» Гегеля само по себе служит хрестоматийным примером этой тавтологии: здесь используются понятия, которые потом будут выведены в рамках «Науки логики». Это обстоятельство доставляет автору определённое методологическое неудобство: приходится *заранее, раньше времени* предъявлять результат, который должен быть достигнут позже — в основной части произведения. Но другого варианта у него нет, поскольку в противном случае изложение науки логики будет попросту невозможным — *технически* его будет не с чего начинать (!). То есть Гегель осознаёт разрыв между мышлением и его образом и мыслит внутри этого разрыва. И это заставляет его во «Введении» сделать нечто большее, чем просто описывать логические понятия: а именно — представить *сам уровень мышления*, где нет отсылки к *чему-то внешнему*, расположенному *по ту сторону* понятия.

---

¹ См. подробнее Сухно А. А., Гулин В. В. Операция «Внедрение», или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 1) // Vox. Философский журнал. — 2020. № 30. — С. 50–60.

Отсюда возникают закономерные проблемы с репрезентацией этого уровня, поскольку в этом измерении буквально *ничего воспроизводить, репрезентировать*. Нет эмпирического опыта или «чувственной реальности», из которой можно извлекать материал для дальнейшей «логической обработки», и в то же время нет картезианского мыслящего субъекта, «внутри» которого происходил бы этот процесс. Таким знанием (о «чувственной реальности» или о «мыслящем субъекте») мы *пока* не обладаем — его ещё надо *вывести*. Но в том-то и дело, что у него нет основания (*Grund*²), нет «непосредственного» (*Unmittelbares*), «первичного» (*Erstes*), из которого его можно было бы вывести, опосредовать (*vermitteln*), а потому ничего не остаётся, кроме как выводить знание из *самых логических категорий*³.

Фактически при таком подходе всё знание «сжимается» до одной-единственной, изолированной абстракции. Она не отсылает ни к чему за пределами самой себя — у неё нет того, *от чего* она была абстрагирована («чувственная реальность»), и нет того, *что* её абстрагировало («мыслящий субъект»). Какая-то произвольно взятая точка посреди океана *полной бессмыслицы, интеллектуального хаоса* — и именно из неё должно возникнуть что-то осмысленное и упорядоченное. Она изолирована, извлечена из родной стихии здравого смысла, «человеческого рассудка» — “*Menschenverstand*”, и положена, как насекомое под микроскоп. Это и есть наука логики, строительным материалом которой являются эти самые «случайные, изолированные абстракции».

Функционирование такой абстракции и задаёт тот самый парадоксальный уровень мышления, который определяет статус логики. Но в таком случае нужно объяснить, как такая не-репрезентируемая абстракция превращается в то самое гегелевское «абсолютное знание». Ведь можно сколько угодно говорить, что лягушка — это на самом деле заколдованная принцесса, но пока мы не убедимся в этом воочию, то вряд ли сможем относиться к нашей принцессе иначе, чем к лягушке.

---

² Принципиальная позиция авторов состоит в том, что философский язык обладает определённой автономией относительно языка «естественного», а значит, используемая в тексте статьи терминология должна «дублироваться» на языке оригинала. Поэтому здесь и ниже мы будем указывать в скобках, выделяя курсивом, немецкие термины из первоисточников:

Hegel, G. W. F. (1832) *Wissenschaft der Logik*. available at: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (Accessed 27th February 2022);

Kant, I. (1787) *Kritik der reinen Vernunft*. available at: <http://www.zeno.org/nid/20009188398> (Accessed 27th February 2022).

В цитатах из «Науки логики» и «Критики чистого разума» термины указываются в той же грамматической форме, что и в самих произведениях, а в основном тексте статьи — в именительном падеже единственного числа. В цитатах немецкие термины, указанные в скобках переводчиками русских изданий «Науки логики» и «Критики чистого разума», курсивом не выделяются.

³ Об этом мы пишем здесь: Сухно А. А., Гулин В. В. Сбой репрезентации, или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 2) // Вох. Философский журнал. — 2020. № 31. — С. 48–61.

***Verstand* между «человеческим» и «предметным»: проблема перевода и не только**

Как подступиться к анализу случайной, изолированной абстракции, которая ничего не выражает? Каким образом она может обладать *хоть каким-то смыслом*, если нет никакого предмета, которому она могла бы соответствовать?

А тем не менее это возможно. Ведь во всей этой истории есть один участник, который как раз не задаётся подобными вопросами, а искренне полагает, что произвольно взятое логическое понятие *всегда* имеет *какой-то смысл*. Было бы очень неплохо разобраться в причинах его уверенности и кое-чему у него научиться. Это именно та стихия, откуда абстрактное понятие извлекается Гегелем для рассмотрения в рамках логики, а именно — “*Menschenverstand*”. Термин, который в обоих русских изданиях «Науки логики» (1916-го и 1937-го гг.) дружно был переведён как «здравый смысл». И начать следует с того, чтобы выяснить причины такого перевода.

Предполагаем, что со стороны переводчиков здесь всё-таки не обошлось без некоторых колебаний. Многозначный термин “*Verstand*” переводится в отечественной традиции как «рассудок», а следовательно, буквальный перевод “*Menschenverstand*” — это «человеческий рассудок». При этом в оригинальном тексте перед “*Menschenverstand*” всё-таки не стоит эпитет “*gesunde*”, который и придаёт обычно словосочетанию оттенок «здоровый», «здравый»⁴. Тем не менее переводчики обоих русских изданий «Науки логики» дружно увидели в “*Menschenverstand*” именно «здравый смысл» — возможно, как отличительную характеристику *специфически* «человеческого» рассудка.

Это оставалось бы чисто филологической проблемой, которая требовала бы скорее комментария где-нибудь под сноской, но не отдельного подпункта в рамках философской статьи. Однако в том же разделе мимоходом употребляется термин, который из-за своего контекстуального употребления и этимологической близости к “*Menschenverstand*” претендует на то, чтобы стать его «полным антагонистом», и между ними развёртывается заочное противостояние. Речь идёт о “*gegenständlicher Verstand*”. Этот термин появляется во «Всеобщем понятии логики», когда Гегель разъясняет специфику предмета логики — на контрасте с тем, как её понимает «рефлектирующий рассудок» (*reflektierende Verstand*), который как раз «ведёт себя как обыкновенный здравый смысл (*gemeiner Menschenverstand*)»⁵.

Вот здесь уже между переводами имеется расхождение. Если Н. Г. Дебольский переводит это выражение вполне традиционно — «предметный рассудок»⁶, то в издании 1937 года Б. Г. Столпнер, похоже, специально делает акцент именно на противопоставлении “*Menschenverstand*” и “*gegenständlicher Verstand*” (несмотря на то, что они разнесены по тексту на несколько страниц, и вполне можно было без видимых смысловых потерь опустить этот нюанс). И раз уж в первом случае он выбирает вариант «здравый смысл», то во втором поступает аналогично — так

---

⁴ Немецко-русский словарь / ред. Лепинг А. А., Страхова Н. П. — М.: Русский язык, 1976. — С. 584.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 35.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — М.: Издание Профкома слушателей Института красной профессуры, 1929. — С. 7.

и появляется на страницах издания 1937 года «предметный смысл» вместо почти обязательного «предметного рассудка».

«[...] дефиниции содержат не определения, относящиеся лишь к познающему субъекту, а определения предмета, составляющие его самую существенную, неотъемлемую природу. Или [другой пример]: когда умозаключают от данных определений к другим, считают, что выводы (*Erschlossene*) не нечто внешнее и чуждое предмету, а скорее принадлежат (*zusomme*) самому предмету (курсив наш. — А. С. и В. Г.), что этому мышлению соответствует (*entspreche*) бытие. — Вообще при употреблении форм понятия, суждения, умозаключения, дефиниции, деления т. д. исходят из того, что они формы не только сознающего себя мышления, но и предметного смысла (*gegenständlichen Verstandes*) (*Verstandes*). — "Мышление" есть выражение, которое содержащееся в нём определение приписывает преимущественно сознанию. Но так как говорят, что в предметном мире есть смысл (*Verstand*), разум, что дух и природа имеют всеобщие законы [...]» [Гегель Г. В. Ф., 1997, С. 40].

Если "*gegenständlicher Verstand*" переводить буквально — «предметный рассудок» (как это и делает Дебольский в переводе 1916 года), то его употребление напоминает метафору. Тем более что в дальнейшем в тексте «Науки логики» это выражение нигде не используется. Действительно, контекст такой, что «рассудок», «дух» и «разум» относятся не только к Мышлению, но и к Природе — подчиняются «всеобщим законам» (*allgemeines Gesetz*), а потому можно сказать, что "*Verstand*", хотя и рассмотренный в качестве характеристики мышления, тем не менее как будто бы находится и в Природе тоже.

Однако вариант Столпнера, скорее всего, возник не случайно. Можно если не согласиться с ним, то по крайней мере понять те основания, благодаря которым он появился на свет. Более того, именно эти основания и позволяют в полной мере определить и подчеркнуть статус логики — как уникального предприятия, в котором в полной мере отражается парадокс «самоописания» мышления. По сути, перед нами попытка «концептуализировать» метафору — превратить её в философское понятие. И как раз поэтому появляется возможность разглядеть в "*gegenständlicher Verstand*" именно «предметный смысл».

Задумаемся об устройстве этой метафоры. Ведь если бы рассудок (Разум, Дух, Сознание, Ум... — или любой другой «ментальный» термин, если б нам пришлось в голову его использовать) заключался в самом предмете, то не означает ли это, что нечто мыслится, наделяется смыслом изнутри самого себя — без всякого восприятия его извне? без того, что было бы ему «противоположным» (*gegenständliches*)?.. Иными словами, на этом уровне нет того независимого (по отношению к предмету) субъекта, кто привносил бы этот смысл откуда-то извне — «пересади» бы его из своей головы в вещь, будто комнатное растение из одного горшка в другой. То есть нет какой-то сторонней позиции, откуда могла обозреваться внешняя сторона, «отчуждённая» форма мыслимого предмета, вообще ещё не существует (!). А значит эта, по сути, антропоморфная конструкция, "*gegenständlicher Verstand*", позволяет представить,

что мог бы сказать нам предмет о самом себе, если бы он умел мыслить и выражать свои мысли — он бы раскрыл что он есть такое на самом деле, «от первого лица».

Это обстоятельство проясняет текст в цитате выше — до самой метафоры. Гегель указывает, что «выводы», результаты умозаключений (*Schließen*) принадлежат, а в оригинале — “*zu kommen*”, то есть *приближаются* к предмету или *подходят* предмету, а далее — что этому логически организованному мышлению *соответствует* (*entsprechen*) Бытие (*Sein*). Это не та банальная мысль, что надо просто корректно использовать мышление, вести себя прилично и скромно, не нарушать «правила хорошего тона», то есть — законы (формальной) логики, и тогда его результаты якобы будут «соответствовать реальности», «отражать материальный мир». Это была бы как раз стихия “*Menschenverstand*”.

Напротив, здесь впервые по-настоящему определяется статус самой логики, который неразрывно связан с “*gegenständlicher Verstand*”. Это уровень мышления, где последнее каким-то образом «пересекается» с мыслимым предметом, «инкорпорируется», *внедряется в него* — и озвучивает те мысли, которые бы выразил сам предмет, если бы имел возможность говорить.

Выводы (*Erschlossene*), сделанные из одних определений (*Bestimmung*) и ведущие к другим определениям, соответствуют не «конкретному бытию», но *Бытию (Sein) как таковому*, которое ещё не стало *тем или иным*, не обрело «чувственно-конкретную форму» и привычное эмпирическое многообразие. А следовательно, эти выводы могут фигурировать в качестве начала *любой возможной (!)* онтологии. В этой точке мир как «чувственная реальность» начинает только раскрываться, и всё то, что будет логически выведено (*erschließen*), будет необходимо обладать «достоинством Бытия» и в то же самое время служить *началом* конкретно этому Бытию. Оно воплощается в сущем, будто божественное Слово при сотворении мира (ещё одна метафора, к которой, впрочем, Гегель относится весьма серьёзно).

«Логика» — это продукт самого Предмета, а не Мышления», — на все лады повторяет Гегель. Потому что Мышление ещё не полагает (*setzen*) этот Предмет как нечто для себя *внешнее* — между ними ещё нет дистанции, они сливаются в *неразличимое* («абсолютное») единство. Это точка возникновения *первичного смысла*, того, что впервые стало *понятно, осмыслено*, а следовательно, нашло своё выражение в Понятии, “*Begriff*”. Это и есть уровень логики в её гегелевской версии — то, с чего все начинается, а потому не может соответствовать какому-либо внешнему независимому существованию. Она может развиваться только *изнутри* самой себя — и тем самым давать начало всему «внешнему».

Таким образом, здесь логика не отделена от теории познания или, по выражению Гегеля, нет «раздельности (*Trennung*) между содержанием познания и его формой». Это значит, что мышление ещё не превратилось в совокупность *независимых от предмета операций*, происходящих исключительно в субъекте. На этом уровне сам Предмет как будто рассказывает о собственной сущности, но не постороннее, особым образом организованное мышление пытается в него проникнуть.

Поэтому, несмотря на некоторые неровности перевода в связи с выбором такого варианта, мы принимаем те основания, которые были у переводчика, чтобы

ввести в русскоязычный текст «предметный смысл». Поскольку именно эти основания и выражают специфику науки логики (хотя мы, со своей стороны, по большей части предпочитаем использовать эти термины на языке оригинала).

Таким образом, следует признать плодотворным противопоставление «здорового смысла» (*Menschenverstand*) и «предметного смысла» (*gegenständlicher Verstand*) в переводе Столпнера. В первом случае — смысла, который придаётся понятию как бы *извне* (за ним стоит *Mensch*, «человек»), со стороны обыденного человеческого понимания и его употребления в повседневной речи, а во втором — того смысла, который строго *выводится* (*erschließen*) из самого предмета (*Gegenstand*) и составляет его сущность. Иначе говоря, смысл именно «предметный», потому что он принадлежит самому предмету и *независим* от того, кто об этом предмете размышляет.

***Menschenverstand* как ловушка для философии**

Здесь мы сразу же сталкиваемся с проблемой. Получить доступ к такому «предметному смыслу» будет очень непросто — скорее всего, невозможно. Я никак не могу *перенести своё сознание* («рассудок») *в предмет* — не могу встать на «точку зрения» самого предмета.

Для моего мышления эта операция невыполнима — потому что я имею дело с уже данным мне предметом. Я уже существую в условиях «сознания и его противоположности» (*Bewußtsein und seiner Gegensatz*). Если и была какая-то точка «абсолютного тождества противоположностей», предшествующая онтологическому становлению данного конкретного мира, то она уже давно пройдена, и при нынешнем положении дел у меня нет никаких шансов к ней вернуться. А потому передо мной стоит предельно «жёсткая» альтернатива: я могу быть либо сознанием и воспринимать противостоящий мне объект, либо я могу утратить сознание (например, впасть в кому или умереть), стать просто разлагающейся органической материей, но я не могу быть *и тем, и другим одновременно* (!).

И тем не менее именно на эту возможность намекает Гегель в своей антропоморфной конструкции “*gegenständlicher Verstand*” — как на совершенно реальную. Каким-то образом, говорит он нам, эту «противоположность» (*Gegensatz*) можно ликвидировать — перенести себя в *измерение, где мир ещё не родился, не был сотворён*, где мышление не отделено от своего предмета.

К сожалению, сразу ответ мы не получим — потребуется разработка сразу нескольких сюжетных линий, чтобы прийти к обещанной развязке. Для начала же следует обратить самое пристальное внимание на *интуитивную понятность* логики как философской дисциплины. Той самой «формальной» логики, где мышление представляется как *серия операций*, протекающих независимо от содержания мысли, исключительно на уровне «формы», и потому непосредственно доступных для описания. Это поможет нам на контрасте прояснить альтернативу, предложенную Гегелем.

Действительно, в рамках обыденного понимания “*Menschenverstand*” сами используемые логические абстракции кажутся самоочевидными, почти тривиальными.

В них нет ничего особенного — «Качество», «Количество», «Мера», «Сущность», «Видимость», «Отношение» и проч. навязли на зубах, они интуитивно понятны каждому — неясно, что тут вообще можно обсуждать, только переливать из пустого в порожнее, пусть этим занимаются «философы». Если мы знаем, *как их использовать*, то зачем о них размышлять вообще?

Это сразу наводит на мысль, что основная ценность гегелевского предприятия вовсе не заключается в том, чтобы в очередной раз «разжевать» логические категории, предоставить их максимально подробное описание. Но, напротив, здесь как раз в центре внимания оказывается *происхождение* этой самой «интуитивной понятности»: *почему* для “*Menschenverstand*” логические формы настолько самоочевидны и тривиальны, что он может ими пользоваться, не задаваясь при этом вопросом об их природе?

А между тем это и есть прямое следствие того самого кругообразного характера знания, описанного Гегелем.

Если приглядеться, то станет очевидно, что круг в устройстве знания играет на руку “*Menschenverstand*”. Внутри имеющегося массива знания (того самого, которое в избытке нам предоставляет «образование», “*Bildung*” или «жизненный опыт», сфера «медиа» и т. д.) можно занять *любую позицию, находиться в любой точке* — и она будет выглядеть «достаточно обоснованной» («приемлемой», «логичной» и т. д.), раз ей всегда (!) будет *что-то предшествовать*, — и эта предшествующая позиция как раз и будет выполнять функцию её основания. Здесь можно разглядеть причину запутанной структуры обсуждений в современном публичном поле — всегда найдутся аргументы, чтобы не выглядеть в дискурсивной игре явным «аутсайдером».

Но стоит только начать разбираться, из чего всё вытекает, где расположено *начало знания*, как «самоочевидность» и «тривиальность» логических форм мышления дают сбой — возникает *затруднение*, “*Schwierigkeit*”⁷. Теперь приходится пытаться отследить остальные позиции, их взаимное расположение и переходы между ними, составить «карту» этих переходов. Не просто стремиться «быть логичным», но выстроить логику мышления как такового и соответствующий ему порядок знания — от основания к следствиям.

Собственно, задаваясь таким вопросом, мы *впервые* и начинаем заниматься *философией*⁸. Если угодно, прикасаемся к её античному истоку: «Как знание о чём-то

---

⁷ В параграфе, где Кант сравнивает «принцип догматизма» и «принцип эмпиризма» как предпосылки для тезиса и антитезиса в структуре антиномии, прикидывает их шансы завоевать симпатии «обыкновенного рассудка» (*gemeiner Verstand*), он делает замечание, имеющее более интересные последствия, чем можно было предположить в рамках самой кантовской перспективы. «Догматические основоположения» оказываются с точки зрения рассудка весьма привлекательны, поскольку он «здесь в таком положении, что даже и наиболее учёный человек не имеет перед ним никаких преимуществ». Но если учёный испытывает по этому поводу *затруднение* (*Schwierigkeit*), то для обыкновенного рассудка это «вполне привычное дело». Иначе говоря, *только по этому признаку* в данном контексте философское мышление можно отличить от «обыкновенного рассудка» (Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1998. — С. 396).

⁸ Это немаловажно, что все попытки «наконец навести порядок» в структуре современного знания, при всем своём реальном и мнимом новаторстве, *воспроизводят* исходный жест в историческом опыте человеческой мысли (!).

возможно и что составляет его начало (ρχή)⁹» Античные философы, не покладая рук, будто археологи на раскопках, отдирали, соскабливали с терминов и выражений их «самоочевидность» и «повседневную привычность» — как грязь и копоть со старых стен, чтобы увидеть скрытое за ними изображение.

Тривиальность обыденного словоупотребления исчезает, когда слова «естественного» языка превращаются в *специальные понятия*. И дело не в данном конкретном слове как объекте «философской вербовки» и особенностях его содержания — например, «строй», «несокрытость», «неделимое», «внешний вид» и т. д. вполне вписываются в «профанную», обыденную речь, и в них могут совершенно не угадываться будущие «логос», «истина», «атом», «эйдос»... Но в той *позиции*, которую это слово занимает относительно других слов и выражений, — позиции *основания* («истока», «начала»). От «тёмного» Логоса Гераклита — через пифагорейцев, элеатов, милетцев, майевтику Сократа и диалектику Платона — мы движемся напрямик к Логике Аристотеля с его попыткой составить полную опись таких изумительных понятий — «категорий» (κατηγορία). А всё потому, что первые философы не могут удовлетвориться «мнениями» (δόξα) — этими хождениями и блужданиями по замкнутому кругу.

В этом смысле Логику Гегеля можно рассматривать одновременно как *реконструкцию и радикальное завершение античного проекта* — этих поисков *начала, основания знания*. Дело в том, что тот круг, по которому курсируют «мнения», «расхожие истины», и из которого вот уже как две с половиной тысячи лет пытается выбраться философская мысль, и является *структурой самого знания* (!).

А это означает, что философская мысль с самого начала была заключена в ловушку, которой она не осознавала. Ибо всякий раз, когда она всё-таки пыталась такое «начало» или «основание» ввести (делая остановку в блужданиях по кругу — на *Бытии* как Парменид, на *Становлении* как Гераклит, на *Количестве* как пифагорейцы и т. д. — чтобы их обособить и развить в самостоятельное философское учение¹⁰), то только играло на руку “*Menschenverstand*” — позволяло ему освоиться в данной точке и включить её в маршрут своих блужданий. А следовательно, в конечном счёте давало повод заявить, что «и здесь не было достигнуто ничего особенного», «это и так давно известно» и т. д. Это обстоятельство, детально разработанное впоследствии Хайдеггером в понятии “*Gerede*”¹¹, замечается и Гегелем, когда в Предисловии ко второму изданию «Науки логики» он противопоставляет «то, что известно (*bekannt*)»

⁹ Оригинальные термины античной философии взяты из приложения к работе Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. — 336 с.

¹⁰ На эту связь между «Наукой логики» Гегеля и античной философией обращает внимание, например, А. В. Ахутин в своём фундаментальном исследовании «Античные начала философии»: «(...) круг категорий, соответствующих греческому “принципу”, т. е. понятия, в которых определяется и переопределяется смысл понятия “бытие”: “становление” — “качество” — “количество” — “мера”, — может быть *логически* развернут во всем *историческом* богатстве систем греческой философии» (Ахутин А. В. Античные начала философии. — СПб.: Наука, 2007. — С. 135).

¹¹ «Толки» — в русском переводе В. В. Бибихина (Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.).

«тому, что *познано (erkannt)*»¹². Таким образом, это не вина Аристотеля, что его попытка превратить «плоский» мир обыденного сознания в многомерную среду со сложной топологией была истолкована в виде совокупности «алгоритмизируемых» операций между ограниченным набором терминов, и формальная («обыденная») логика на веки вечные получила клеймо «аристотелевской».

Поэтому единственным реальным выходом из затруднительной ситуации будет признать, что основания для знания никакого нет — оно *обосновывает само себя*.

Этот вывод, звучащий как торжественная программная декларация, как первая строчка манифеста, на самом деле крайне загадочен, если не сказать — абсурден. Вряд ли его можно счесть удовлетворительным решением, пока мы не проясним, что здесь конкретно имеется в виду и что именно упустили первые философы в своих упорных попытках преодолеть ограниченность и тривиальность обыденного понимания.

Заключение

Мы поставили себе задачу обнаружить общий доступ к тому уровню мышления, который позволяет Гегелю говорить от имени «абсолютного знания». Этот уровень отражен, в первую очередь, в «Науке логики», которая претендует быть не логикой мышления, противопоставленного предмету, а «логикой самого предмета». Тем самым она и обретает статус «абсолютного знания» — ибо в её рамках мы получаем информацию как бы «от первого лица». Однако это знание, которое Гегель развёртывает перед нами на страницах «Науки логики», мало напоминает обещанное: создается впечатление, что речь идёт о чистых абстракциях без всякого соответствующего им предмета. Иначе говоря, отказ придавать логическим понятиям какой-то заранее данный смысл (что методологически оправданно, если знание «абсолютно», то есть не содержит никаких предпосылок) влечёт собой ощущение бессмысленности в их употреблении.

Чтобы выйти из этого порочного круга, который лежит в основании знания, и обнаружить внутри абстракции «абсолютное знание», мы обращаемся к полной противоположности, по мнению Гегеля, всякой философии — “*Menschenverstand*”, «здравому человеческому смыслу». Мы рассматриваем его как продукт этой запутанной интеллектуальной ситуации, где функционирование знания представляет собой круг, а потому “*Menschenverstand*” «чувствует» себя комфортно, выбирая любую точку в этом круге, любую мысль или высказывание, и всегда имеет ресурсы, чтобы подобрать для неё более-менее подходящее обоснование.

В результате можно констатировать, что философия с самого своего зарождения находится в ловушке, из которой можно выйти, только приняв круг в формировании знания, приостановив поиск «первоначала», «источника». В противном случае любая такая попытка будет оборачиваться для философской мысли ещё большим увязанием в путях обыденной речи. Необходимо найти метод адекватного противодействия — изобрести «контр-ловушку» для “*Menschenverstand*”.

---

¹² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 24.

Таким образом, открывается возможность использовать здравый человеческий смысл как точку опоры, чтобы прояснить мысль Гегеля об «абсолютном знании». Если “*Menschenverstand*” относится к ситуации «внутри» круга знания, когда уже существует «сознание и его противоположность» в форме противостоящего ему предмета, то «абсолютное знание» существует в точке, где такого противопоставления ещё нет. Здесь мысль и предмет составляют единое целое, и вопрос заключается в том, чтобы, используя деятельность “*Menschenverstand*”, вращаясь в замкнутом круге человеческого знания, такую ситуацию обнаружить или заставить её проявиться, создав соответствующие условия.

Литература

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. — СПб.: Наука, 2007. — 784 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — М.: Издание Профкома слушателей Института красной профессуры, 1929. — 686 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — 800 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1998. — 654 с.
5. Немецко-русский словарь / ред. Лепинг А. А., Страхова Н. П. — М.: Русский язык, 1976. — 991 с.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. — 336 с.
7. Сухно А. А., Гулин В. В. Операция «Внедрение», или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 1) // Вох. Философский журнал. — 2020. № 30. — С. 50–60.
8. Сухно А. А., Гулин В. В. Сбой репрезентации, или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 2) // Вох. Философский журнал. — 2020. № 31. — С. 48–61.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.
10. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik. 1832. Электронный ресурс: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 27.01.2022).
11. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. 1787. Электронный ресурс: <http://www.zeno.org/nid/20009188398> (дата обращения: 27.01.2022).

References

1. Akhutin A. V. *Antichnye nachala filosofii* [Antique principles of philosophy]. St. Petersburg: Nauka, 2007. 784 p. (In Russian.)
2. Hegel G. W. F. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. Moscow: Izdanie Profkoma slushatelei Instituta krasnoi professury, 1929. 686 p. (In Russian.)
3. Hegel G. W. F. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. St. Petersburg: Nauka, 1997. 800 p. (In Russian.)
4. Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832. URL: [<http://www.zeno.org/nid/20009177124>, accessed on 27.01.2022].
5. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov, Ukraine: Folio, 2003. 503 p. (In Russian.)
6. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. 1787. URL: [<http://www.zeno.org/nid/20009188398>, accessed on 27.01.2022].
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Nauka, 1998. 654 p. (In Russian.)
8. *Nemetsko-russkii slovar'* [German-Russian dictionary], ed. by Leping, A. A., Strakhova, N. P. Moscow: Russkii yazyk, 1976. 991 p. (In Russian.)
9. Reale G., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. I. Antichnost'* [Western philosophy from its origins to the present day]. St. Petersburg: TOO TK "Petropolis", 1994. 336 p. (In Russian.)
10. Sukhno, A. A., Gulin, V. V. *Operatsiya «Vnedrenie», ili Kak vyzhit' v Tsarstve tenei (poisk klyuchei k «Nauke logiki» Gegelya — klyuch № 1)* [Project «Infiltration» or How to survive in the realm of shadows (quest for the keys to Hegel's «Science of Logic» — key No. 1)]. *Vox. Philosophical journal*, 2020, no. 30, pp. 50–60. (In Russian.)
11. Sukhno, A. A., Gulin, V. V. *Sboi reprezentatsii, ili Kak vyzhit' v Tsarstve tenei (poisk klyuchei k «Nauke logiki» Gegelya — klyuch № 2)* [Representation failure or How to survive in the realm of shadows (quest for the keys to Hegel's «Science of Logic» — key No. 2)]. *Vox. Philosophical journal*, 2020, no. 31, pp. 48–61. (In Russian.)

Emptiness of Ultimate Knowledge or How to survive in the realm of shadows (quest for the keys to Hegel's «Science of Logic» — key No. 3)

Alexey A. Sukhno,

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
volyakvlasti@mail.ru

Viacheslav V. Gulin,

Institute of Computer Aided Design of the Russian Academy of Sciences (ICAD RAS),
Moscow, Russia,
kornet104@gmail.com

Abstract: The article proposes to consider Hegel's "Science of Logic" as a project, where the most important thing is not to describe the "laws of thinking", but rather to propose a more precise definition of the theoretical level at which thinking itself becomes the subject of its own description. Thus, on the one hand, Hegel reveals the paradox that lies at the basis of the logic as a philosophical discipline, and on the other, seeks to show the possibility of the existence of the logic in the extreme conditions of this paradox. Within the framework of this approach, logic is inseparable from the theory of knowledge — it is assumed that the configuration or "form" of thinking cannot be "neutral" with respect to its content. Therefore, according to Hegel, in reality there is not the logic of isolated operations occurring in the mind, but the logic of "the object itself", which shows and directly embodies itself in these operations. At this level, there is no gap between the thinking consciousness and objects of the external world separated from it. We are talking about a special — "pre-ontological" — dimension, where the subject's sensory experience is not yet launched and distinguished, and a subject of the thinking process and thinking itself form a single whole. Such a dimension is developed in the historical experience of philosophical thought, starting from Antiquity, and is captured by Hegel under the name of "Ultimate knowledge". The article raises the question of why this dimension repeatedly eludes us, acquiring a "semi-mystical" status in the minds of Hegel's interpreters, and yet how it is still possible to infiltrate into it.

Keywords: Hegel, "Science of Logic", thought, Ultimate Knowledge, abstraction, common sense, objective understanding